

ПОБЕДА
БУДЕТ
ЗА НАМИ!

Артем
ДРАБКИН

Я ВЗЯЛ БЕРЛИН
И ОСВОБОДИЛ
ЕВРОПУ

Победа будет за нами!

Арте́м Драбкин

Я взял Берлин и освободил Европу

«Яуза»

2015

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Драбкин А. В.

Я взял Берлин и освободил Европу / А. В. Драбкин — «Яуза»,
2015 — (Победа будет за нами!)

ISBN 978-5-9955-0769-7

Победная весна 1945 года. Красная Армия рвется к Берлину — «добить фашистскую гадину в ее логове». Война подходит к концу, и у солдат впервые забрезжила надежда выжить. Но впереди еще последние бои — самые трудные и кровавые, которые разделят их на живых и мертвых... «Бои в Берлине шли страшные. Под ногами валялись оторванные головы, было месиво. И чем ближе к центру, — тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака — и все! Пахнет Победой! Но сделаешь неправильный шаг, и — «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли!.. Знамя было у каждого, но не каждому суждено было его водрузить...» «В Берлине я командовал штурмовой группой. Пять танков, взвод автоматчиков и взвод саперов. Шли медленно вперед, прижимаясь к стенам домов, чтобы хоть один борт уберечь от «фаустников». Кто на середину улицы выезжал, того сразу поджигали. Дошли до большого перекрестка, а из-за углового дома — сплошной огонь. Убийственный. Пехота залегла, а танки под «фаусты» и зенитки я не имел права бездумно пускать. Взял автомат, вылез из танка и пошел на разведку, а потом, вместе с пехотой, полез немцев из здания выкуривать. Первый этаж отбили, а на втором этаже мне пулей прошило ногу насквозь. Кость не задело. Оттащили меня назад, занесли в какой-то дом, там перевязали. Кто-то из наших сказал, что это дом, в котором до войны жил фельдмаршал Паулюс. Два дня в санбате отдохнул «на больничном», а потом похромал обратно в роту, без всяких там сентенций, мол, не дай Бог погибнуть в логове врага, за мгновение до Победы. И не было у меня никакой жалости к себе или страха смерти...»

УДК 93/94

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9955-0769-7

© Драбкин А. В., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Винник Павел Борисович (Интервью А. Драбкина)	7
Ваулин Дмитрий Петрович (Интервью А. Драбкина)	11
Маслов Иван Владимирович (Интервью Г. Койфмана)	15
Стекляр Борис Ефимович (Интервью С. Смолякова)	19
Пшенко Владимир Арсентьевич (Интервью А. Драбкина)	23
Борисов Михаил Владимирович (Интервью А. Драбкина, А. Пекарша)	26
Кацевман Петр Маркович (Интервью Г. Койфмана)	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Артём Драбкин
Я взял Берлин и освободил Европу

Фотография на переплете: Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС

© Драбкин А.В., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Винник Павел Борисович (*Интервью А. Драбкина*)

стрелок 1374-го стрелкового полка 416-й стрелковой азербайджанской дивизии

Одер мы форсировали по льду под Кюстрином. Мы отразили две очень сильные немецкие атаки, и там же, под Кюстрином был мой первый рукопашный бой. Именно рукопашный, а не штыковой. Второй был в Берлине. Мы выходили на улицу, и как у него, так и у меня могло оторвать голову. Штурм Берлина... Я никогда не забуду о боях в Берлине. Причем там такая была интересная вещь: Берлин – город удивительный, так безалаберно, несмотря на немецкую пунктуальность и аккуратность, построен! Бои под Берлином шли очень сильные... Мы к этому времени не один город брали: и Варшаву, и Кишинев, – это там у меня друг погиб. Каждый город имеет свою специфику, но Берлин – город особый. Он очень большой, очень. Одни подступы, пригород!.. Мы шли со стороны аэродрома. Немцы драпали удивительно: все было уже ясно. Когда мы стали подходить к центральным районам, где стояли большие дома, имеющие гранитный фундамент, начались проблемы. Скажем, идет улица, и на перекрестке дом, у которого нижние этажи превращены в бойницы. Немцы простреливали всю улицу. Никакой танк не может туда попасть! Или, например, прямая улица, но на ней все здания имеют гранитные основания, а вдоль здания – амбразуры, и немцы простреливают все улицу. Попробуй ее взять! Полное идиотство было бы вводить танки, как сделали в Грозном. Не может танк участвовать в городском бою, это липа! С 3-го этажа зажигательную бутылку бросаешь, и танк взрывается со всем, что в нем есть. Было решено брать пехотой. Около 6 армий замкнули Берлин. Немцы сопротивлялись очень сильно. Некоторые сдавались, но драчка была сложная. Пехота играла в ней решающую роль.

Танков было дай бог, но в город они не шли. А пехота шла! Надо было освободить центральную улицу. Салкин собрал нас: «Как будем?» – «У меня есть предложение». – «Говори». – «В городе есть черный ход и парадный. Если заходить с черного входа, можно через квартиры верхних этажей выйти в парадный подъезд другого дома». Немцы дали населению команды – не закрывать квартиры. Мы этим воспользовались. Вдвоем с бойцом мы прошли в указанный командиром дом. Во дворе стояли походные кухни, лежали ящики с минами – и немцы там сидели. Буквально через 40–50 минут я остался один, а напарник вернулся и привел туда всю роту. Мы спустились на третий этаж, открыли окна и забросали немцев гранатами. От них месиво осталось, и улица была открыта. Вот что такое, когда командир думает о судьбе своего подчиненного! Разные были. Были такие, которые могли положить всю роту.

Сами жители находились в подвалах. Города были пустые. Входишь в дом – горячая кастрюля, а жителей нет. Они нас боялись как чумы. Думали, что будем мстить. И было за что! Сколько нашего населения уничтожили?! Но мы действовали по приказу Жукова: если немец сдается – не убивай! Бросали листовки: «сдавайтесь, гарантируем жизнь».

Все этажи жилых домов открыты, а они сидят в подвалах. Вот вы спрашивали насчет половых контактов. Мы бежим, немки нас видят и сами ложатся. Дурочки, нам не до этого! Они готовы были на все, только не убивайте. Мужики поднимали руки, а они ложились. Потом поняли, что русские не убивают.

Мы были с противотанковыми гранатами, не с «лимонками». Это более мощное оружие, и еще на нее можно разрывной панцирь надевать. Взрыв был страшнейший. Участие пехоты, наше участие в боях за Берлин было основным. Потом подтягивали саперов, а на окраинах стояла тяжелая артиллерия, и танки на окраинах стояли, только десанты работали.

Каждому подразделению, полку и роте было выдано знамя для водружения на Рейхстаге. Но все зависело от направления. Мы дошли до Александерплац, где потом погиб Берзарин: сел на мотоцикл, рванул, отказали тормоза. Мотоциклист насмерть, ему сломало позвоночник, и он скончался.

На улицах жуткий огонь стоял! Под ногами валялись оторванные головы, было месиво, бои были очень страшными. И чем ближе к центру, тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака – и все! Пахнет Победой! Сделаешь неправильный шаг, и – «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли! У меня было несколько атак из окопа, но

таких, как в Берлине, ратных, в один строй, атак никогда не было. Когда подается команда «вперед», каждый делает это по-своему. Кто ползком выбрасывается, кто рывком, по-разному. Пять шагов – и упали. Потом следующие шаги, перебежками. Жить хотелось... Знамя было у каждого, но не каждому было суждено его водрузить.

Мы попали не в Рейхстаг, а во Дворец Фридриха, напротив Рейхстага. Он уникальный по красоте, прямо музей. Задняя сторона – река Шпрее. Пусть небольшая, но она его защищала. Мы успели дойти до Бранденбургских ворот, даже ближе. Потом там было посольство СССР, – когда я после войны приезжал в Берлин, то все это вспоминал... Центр сторел весь. Разобраться, где наши, где немцы, было невозможно. Мы, рота автоматчиков, были при штабе полка. В нашем полку было три батальона и вспомогательные подразделения: матчасть, машинная рота и др. Целая комплектация! И вот мы были со штабом полка. Честно говоря, было ощущение близкой, ближайшей Победы. Каждый мыслил: какая она будет, Победа?! И вдруг к утру стало тихо-тихо. Что такое? Мы не могли понять. Снаряды кончились? И вдруг по рации: «Немцы капитулировали. Не стрелять! Ждать распоряжений!»

Немцы шли колоннами на окраину города по определенным улицам, которые им отвели. На углах стояли автоматчики, и они бросали оружие в кучу и дальше шли без оружия. Их построили в колонну.

Тогда казалось все, уже стрелять не надо. Первый раз, когда объявили полную Победу. Это было 2 мая. «Ура, Победа!» Мы стреляли, орали. Потом прибегает парень и говорит: «Во втором квартале, за тем поворотом, склад амуниции. Там такие хромяги!» Это хромовые сапоги. А мы же в кирзе. Человек пять пошло – и вот нет и нет их. Тогда этот парень нас повел. Двух мы не нашли, а трое лежали с простреленными головами... Там была засада.

Когда закончились бои, на все центральные улицы, где стояли части, были выдвинуты походные кухни, и немцам раздавалась горячая кухня и хлеб... Первые две недели после Победы мы стояли в переулочке, был такой переулочек Вассер-Гассе. А потом нас перевели в Трептовские полицейско-казармы, в Трептов-парк. Но проживание военных в городе приносило многие неприятности. Было очень строго в отношении «выйти на улицу». Иногда нас замполит посылал за пивом, и один раз меня комендантский патруль арестовал, когда я в очереди за пивом стоял. Нас посадили на «губу» только за то, что мы ходили по улицам без разрешения! Пиво было потрясающее, но если увидит комендантский патруль... Привели в комендатуру, сорвали погоны, посадили на гауптвахту. У нас не было документов на выход. Очень было строго! Только вечером меня освободили.

Даже после Победы случалось, что бойцы погибали в засадах. Гибли люди и по непродуктивности, по небрежности. Тогда был введен режим строгой оккупации. Нас вывели из центра, из Трептов-парка, в город Цосен, в 30 км от Берлина, – это еще Вайсензее. Там позже был знаменитый штаб всех оккупационных войск. Штаб гарнизона стоял в Белом озере, это очень красивый, элитный район. Но и при таком строгом режиме пропало 12 ребят из подразделения в составе нашего полка. Оказывается, на территории этого лагеря был бункер-конус на случай бомбежек. Часто ребята туда заходили, спускались вниз. И оказалось, что решив посмотреть, что и как, они нашли ход, который вел 30 км до Берлина. Там были военные заводы, изготавливающие оборудование. И когда они это открыли, то пропали почти на неделю. Это была удивительная история!

Берлин был поделен на несколько секторов: английский, американский, французский и наш. Наш – самый центр. Раз в неделю менялись объекты охраны. Мы несли охрану Рейхсканцелярии. До сих пор помню, что Рейхсканцелярия хорошо сохранилась. Мы сменили первую команду и несли охрану. Там был аудиенц-зал, где Гитлер награждал своих. И там в стене были сейфы, где хранились ордена Рейха. Мы набирали их, и у американцев меняли их на сигареты. У нас не было сигарет: самое лучшее – Беломорканал, а так махра. У немцев же сигареты были: валялись прямо на улице, целые блоки сигарет. Мы брали, курили, потом один из наших рас-

потрошил сигарету – оказалось, пропитанная никотином бумага. Когда я попал на фронт, то не курил и не пил. Но в зимний период можно было согреть руки, раскуривая папиросу, и так я начал курить.

Тогда же у меня появился фотоаппарат: очень интересный, знаменитый «Цейс». Я уже говорил, что мы несли охрану гитлеровской канцелярии, а там раньше сидели немецкие флигель-адъютанты. Я зашел взять бумагу, письмо матери написать, открыл ящик – а там фотоаппарат лежит. Когда я общался с немцами, немцы мне сказали: это «зер гут!» В расцвете Германии, в 1938 году, корова стоила 30 марок, а аппарат стоил 300! Вот какой был аппарат. Когда был первый обмен денег, то я его продал за 17 тысяч, чтобы матери помочь. А потом тут же начался обвал: эти 17 тысяч перешли в 30 рублей – вот так я камеру и потерял.

Ваулин Дмитрий Петрович (*Интервью А. Драбкина*)

летчик 890-го дальнебомбардировочного авиационного полка

Когда в конце войны мы вылетали из Барановичей на Берлин, погода была очень плохая. Бывает, в апреле-мае идут вторичные атмосферные фронты, или, как их еще называют, «аклюзии», когда через каждые 40 минут идет град, снег, тучи налетают, а потом опять солнышко. Потом снова непогода. Мощные стояли фронты, грозовые. А лететь надо тысячу километров до Одера. 16 апреля мы взлетели в 3 часа ночи, погода была очень плохая. Пролетели тысячу километров, отбомбились по передовой. Там все горело, все дымило. Причем характерно, подлетаем к Познани с опережением, примерно минут на 15. Познань начала стрелять по нам. Сигнал «Я свой» – зеленые ракеты. Как посыпались зеленые ракеты – и справа, и слева, и сверху. Туча самолетов дальней авиации летела, и все летели с опережением минут на 15! Нужно было время гасить на «петле». И вот все стали гасить это время в районе Познани. Тут смотри в оба, чтобы не стукнуться! Подходим к цели, все горит, кругом прожектора. Видно, как артиллерия стреляет, вспышки. Мы были на небольшой высоте – может быть, тысяча метров. Море огня! Видимо, там и мелкая авиация работала, и артиллерия. У нас цель – какой-то опорный пункт. А где там его найдешь, в этом море огня? Мы знаем примерно: расстояние от Одера до немецких позиций 10 километров. Мы отбомбились, прилетели обратно домой в девять часов утра.

Потом летали мы на Берлин 22 и 24 апреля. 24 апреля погода была ужасная. Взлетаем, облачность – 30 метров. И всю дорогу был грозовой фронт, очень низкая облачность. Решили идти под ней. Включили автопилот и сами ему помогаем. С консолей плоскостей, с винтов, пулеметов стрелков срываются огни статического электричества, и кажется, что во тьме несется огненное чудовище. Кидало нас страшно. Вдруг впереди вспышка, и покатился огненный шар – кто-то врезался в землю. Проскочили. Отбомбились по Берлину, я говорю:

– Вася, давай домой не полетим. Ты видишь, какая погода?! Давай сядем.

Дошли до Познани.

– Давай сядем в Познани, там аэродром работает.

Мы кружочек сделали, сели. Заруливаем на стоянку.

Там нас встречают вопросом:

– Что, заблудились?

– Нет, не заблудились, я сел по погоде. Не хочу лететь дальше. Погода очень плохая, там будет трудно с посадкой.

– Тогда идите, отдыхайте.

Мы «отстучали», что сели в Познани, чтобы за нас не переживали. Наутро заправились. Прилетели в два часа дня. А нам сообщают:

– Паша Михалец заблудился.

Это штурман эскадрильи, а с ним замкомандира эскадрильи. В общем, начальники наши. Заблудились. Бросили самолет, спустились на парашютах. А другой самолет примерно в это же время из-за погодных условий сел в Белостоке, и экипаж тот поляки зарезали. Вася Алексеев, мой кореш, грохнулся. У него второй летчик Мурзин – не то убрал, не то выпустил щитки, самолет просел и грохнулся. Они живы остались, но нехорошо получилось. Один или два самолета выкатили за полосу, поломали передние ноги. Погода была, облачность 30 метров!

Этого Мурзина, моего второго летчика Тиму Кучеренко и Милованова прислали к нам вторыми летчиками из Бугуруслана. Характеристики у них были такие: «Теряет пространственное положение. В полете обсикается, обсерается. Направляется на самолеты типа «Ли-2» вторым летчиком». А их к нам! Тупые, тупые летчики.

А мой этот Кучеренко... Летали на Данциг с Орши, дошли до Вислы за облаками. Еще светло было. Нырнули под облачность, шли по Висле до Данцига. Высота была 800 метров. Мы из-под облаков бомбили. Данциг ошетинился. Стреляет МЗА, а я на нее пикирую. И только когда ко мне эта колбаса малокалиберных снарядов стала приближаться, я ухожу в сторону. Носился от пушки до пушки, но удрал! А мой второй летчик сиденье назад откатил, ноги

поджал, руками голову закрыл, так и сидел... Прилетели – правый элерон выбит, весь самолет в дырках. Потом он уже понемножку научился летать, даже стал командиром на Ту-4.

Последние три вылета были на Свиномунде. Это порт на Одере. Там были все отступающие войска. Бомбили порт. Немецких самолетов уже не было, и вражеских ПВО практически не было. Но там была другая проблема – своих самолетов очень много, как бы не столкнуться. Мы на встречном курсе чуть не столкнулись, и нас на спутной струе сильно потрянуло. Отбомбились.

Говорю:

– Вася, самолетов очень много. Давай мы пойдем домой не по суше, а по морю, потому что можно столкнуться.

Пошли на море. Обошли.

А дальняя авиация шла волнами – там бомбят и тут бомбят. Мы морем прошли, потом на сушу и нормально сели.

И последний вылет был в ночь на первое мая. Мы всей дивизией летали пьяные. Получилось так вот почему. Погода была ужасная – низкая облачность, дождь идет. 40–50 метров высота. И нам дают команду: «Отбой!» Мы жили в городе, а аэродром был километрах в трех от города. 30 апреля у нас был торжественный вечер в клубе в честь Первого мая. Потом танцы. У нас, естественно, спиртик водился. Мы до ужина выпили. Покушали, еще выпили, а потом пошли на торжественное собрание в клуб. Пьяненькие уже.

Начальник политотдела дивизии полковник Николаев на трибуне в клубе речь толкает, прославляет коммунистическую партию, товарища Сталина. Мы ждем, когда начнутся танцы. И вдруг в середине этого доклада объявляют:

– Боевой вылет, война.

Мы боевые вылеты называли войной. Так говорили: «Сегодня будет война или нет?» Допустим, нет. Значит, отбой. Сегодня уже объявили, что войны не будет, отбой. Поэтому мы побрились, почистились, напились и пошли на танцы.

А тут – война. Я думаю: «Какая война! Идет дождина, не видно ничего». Но приказ: «На аэродром!» Думаю: «Ладно, доедем до аэродрома и обратно приедем».

Приехали на аэродром, ничего не видно, дождина.

– По самолетам!

Ладно, думаю, посидим в самолетах и обратно в клуб. А тут команда:

– Запускайте моторы, взлетать.

Мы переоделись. Взлетаем. Разожгли плошки, костры, пытались сделать какое-то направление, чтобы было видно немножко. Взлетели. И буквально через 30–40 километров погода стала более-менее хорошей.

Я жалуюсь:

– Вася, меня мутит.

Вот так. Я вообще очень плохо переносил спиртное – пацан еще был. Если выпью стакан водки, то уже валяюсь трупом. А там спиртику выпили.

Он говорит:

– Командир, у меня есть шоколад, съешь шоколадку – может быть, полегче будет.

Я перекусил. Летим дальше. Отбомбились нормально. И это был последний боевой вылет, в ночь на 1 мая 1945 года. И практически вся дивизия летела пьяная, потому что все выпили хорошо.

После первомайского вылета нам дали задание днем лететь на Либаву. Мы готовимся, подвешиваем бомбы, нам дают задание, а погоды нет. Идут вторичные фронты. Нам все время дают отбой, отбой, отбой. И так нас продержали до 9 мая. А 9 мая утром пальба, шум, гам. В Барановичах стоял бронепоезд, и он заухал из своих пушек. Конец войне!!!

Стрелки побежали, начали стрелять из всех пулеметов, все кричат:

– Ура!!! Ура!!! Ура!!! Война закончилась!!!

Состояние было необыкновенное. Очень трудно это описать: столько переживаний и в то же время такой стресс.

Маслов Иван Владимирович (*Интервью Г. Койфмана*)

командир 1-й танковой роты 1-го танкового батальона 52-й гвардейской танковой бригады

Я первый ворвался на станцию Барут со своей ГПЗ и устроил там немцам «изумительный концерт по заявкам». Тремя танками я бы такую большую станцию не удержал, да мне и не давали такого приказа. Это был прорыв в районе Цоссенского укрепрайона, 20 апреля 1945 года. До этого мы прошли почти без боя километров тридцать. На станцию заехали, смотрим – справа от нас останавливается эшелон. Я подумал: наверное, наши, и вдруг до меня дошло, – какие, к черту, наши, тут же рельсы другие, не как у нас. Развернули башни и врезали по эшелону. В вагонах пехота. Долго их крошили, убили очень много немцев. Сколько мы там немцев положили... Будто сама смерть с косой прошла... Сотни трупов... Рядом на платформах стояли восемь новых немецких танков. Их тоже «в капусту». Вроде все вокруг уничтожили. И моя ГПЗ двинулась дальше. Но немцы позже смогли организовать оборону станции, и ее окончательно брали силами двух бригад, нашей 52-й гвардейской ТБр и 53-й гвардейской. ТБр генерала Архипова. Там еще пару часов шел тяжелый бой.

Я всегда надеялся, что выживу. Я не верил в приметы и суеверия. Я не верил искренне в Бога, хоть в нашей семье и отмечали все религиозные праздники. Даже в самых тяжелых боях старался не вспоминать имя Господне всуе и первый раз на войне перекрестился, когда мой танк, уже в Берлине, переправился через Тельтов-канал, и в ту минуту я сказал вслух: «Я в Берлине!» Я верил в свою судьбу. Был убежден, что знания и опыт заранее определяют, кто победит в танковой схватке. А опыта мне было не занимать... Никогда не боялся смерти, знал: чему быть, того не миновать. Не считал про себя, а сколько раз меня уже подбивали, и не думал об этом... Я относился к войне как к своей работе, как к своему ремеслу, меня никогда не мучили «книжные» вопросы: «Кто виноват?» или «Что делать?». Пусть то, что сейчас я скажу, возможно и прозвучит для вас с долей бахвальства, но я могу о себе заявить с гордостью: я был на войне профессионалом. Не каким-то Терминатором киношным, а конкретно – грамотным специалистом по ведению танкового боя. Опыт меня к этому обязывал. Я никогда не занимался подсчетами, сколько танков я подбил, сжег и сколько немцев на тот свет отправил. Я и так знал, что за моей спиной уже есть моими руками созданное солидное кладбище для солдат, танков и другой техники противника, но такой хреновиной, как разбираться после боя, кто сколько подбил, брезговал. Это война или соцсоревнование? За каждый уничтоженный немецкий танк кто-то из наших товарищей платил своей жизнью. Так чем тут кичиться?.. У меня, например, из всего, что я на войне уничтожил, есть «два особо любимых мной немецких танка», но мне и в голову не приходило, рисовать звездочки за каждый подбитый танк на стволе своего танкового орудия, как это иногда делали другие. Я на станции Барут с двумя танками роты уничтожил почти десяток немецких танков, прямо на платформах. Так что, мне после этого звезды надо было на корму танка наносить?.. Ствола бы уже не хватило, хоть он у Т-34 довольно длинный. Никогда не ждал ни от кого наград, похвал, подачек, восторженных отзывов, благодарностей, никогда не был «любимцем штаба» или «пай-мальчиком». А просто воевал, делал свою работу по высшему разряду. Уничтожал фашистских захватчиков, врагов моей Родины. За семь лет, проведенных в танке, ты чувствуешь его, как живого человека, танк становится частью тебя, а ты становишься частью танка. Есть еще один нюанс. У меня выработалось хорошее чутье на опасность, на засады. И обладание подобным качеством тоже придавало мне уверенности, что выживу всем смертям назло, ну а если нет, то хоть отдам свою жизнь в бою не зря. Не обессудьте, если я сейчас слишком высокопарно выразился, но ответил вам от чистого сердца.

Там же, в Германии, в весеннем наступлении, прорвались в немецкий тыл. Пехоты с нами не было. Приказ был двигаться только вперед, без малейшего промедления. Вижу перед собой лес и крупное селение, которое не отмечено на карте. Странно. Мне это не понравилось, что-то тут было неправильно. Надо было принимать решение, что делать дальше. Идти в лоб? Послать танк в разведку боем? Повел своих в объезд, сделали приличный «крюк», обошли это селение и с тыла ворвались в него. А там «законспирированный» немецкий завод по производству фаустпатронов. Охрану частично побили, а часть – сами разбежались. И что самое интерес-

ное, перед заводом стояли две немецкие батареи зениток и одна пушечная батарея на прямой наводке, как раз на том направлении, с которого мы теоретически должны были появиться, если бы не решились на обход. Немцы не успели развернуть свои орудия, мы их раздавили. Каждый экипаж всадил в этот завод по 15 снарядов, и когда мы поняли, что эта «контора» больше никогда не заработает, то с чистой совестью двинулись дальше на запад.

Везло мне почти всегда... Сколько машин и экипажей поменять пришлось...

Ранило меня 26 апреля 1945 в Берлине, а 29 апреля 1945-го я сбежал из санбата и вернулся в роту, продолжив участвовать в берлинских боях.

У меня почти не было таких мыслей, мол, раз я войну в сорок первом начинал, так непременно должен первым до Рейхстага дойти. Просто я знал, что нужен сейчас своим ребятам, своей роте и от меня тоже зависит, уцелеют ли они на берлинских улицах или их всех там сожгут. Я мог бы еще 16 апреля 1945-го выйти из боя. Шестьдесят танков бригады переправлялись через Нейсе, из района Бунцлау. На глазах у командарма Рыбалко, в считанных метрах от переправы, мой танк подорвался на mine. Рыбалко стоял на переправе вместе с группой комбригов в ста метрах от места подрыва. Я вылез из танка, вроде целый, но контузило здорово. Подбегает ко мне какой-то капитан и приказывает: «Немедленно к командарму!» Слегка пошатываясь, подошел, откозырял Рыбалке. Он спросил: «Кто командир танка?» – «Я, командир роты, старший лейтенант Маслов!» – «Давай, Маслов, пересаживайся на другой танк. Мне ротные командиры в Берлине нужны», – сказал мне Рыбалко. Сел в танк № 217. Помню свой экипаж, с которым вместе заканчивал войну в Берлине. Радист Тюрин. В Берлине он был ранен, вместо него ко мне пришел Максим Росляков, который после войны стал кадровым офицером. Командир орудия Иван Мовчан, погиб... Механик-водитель Михаил Лапин. Ваня Мовчан в Берлине сильно переживал, нервничал. Сидел с поникшей головой, предчувствуя свою смерть. Он сам «похоронил» себя заранее... Его убило 28 апреля. Я сбежал из санбата, вернулся к экипажу, а Вани уже нет... Через несколько месяцев, когда мы уже находились в Чехословакии, возле нас остановился эшелон, увозивший на Родину бывших «ост-рабочих», угнанных в Германию с оккупированных немцами территорий. К нам подошла молодая женщина из репатрируемых и спросила: «Ребята, вы танкисты? А может, кто-то из вас знает Ивана Мовчана, он мне родня?» И я рассказал ей, что нет уже в живых танкиста Мовчана. Вот такое печальное «совпадение»... В Берлине я командовал штурмовой группой. Пять танков, взвод автоматчиков и взвод саперов. Шли медленно вперед, прижимаясь к стенам домов, чтобы хоть один борт уберечь от «фаустников». Кто на середину улицы выезжал, того сразу поджигали. Дошли до большого перекрестка, а из-за углового дома – сплошной огонь. Убийственный. Пехота залегла, а танки под «фаусты» и зенитки я не имел права бездумно пускать. Взял автомат, вылез из танка и пошел на разведку, а потом вместе с пехотой полез немцев из здания выкуривать. Первый этаж отбили, а на втором этаже мне пулей прошило ногу насквозь. Кость не задело. Оттащили меня назад, занесли в какой-то дом, там перевязали. Кто-то из наших сказал, что это дом, в котором до войны жил фельдмаршал Паулюс. Два дня в санбате отдохнул «на больничном», а потом похромал обратно в роту, без всяких там сентенций, мол, не дай Бог погибнуть в логове врага, за мгновение до Победы. И не было у меня никакой жалости к себе или страха смерти. И когда нас кинули из Берлина на Прагу, я пошел головным танком в бригаде. Первым в ГПЗ должен был идти ГСС старший лейтенант Крайнов. Но я видел, что Крайнов «нервничает», понимал, что тяжело ему на смертельный риск идти, уже после Берлина, и вызвался пойти вместо него. А наш бросок к Праге не был «бескровной прогулкой». Все дороги были минированы, немцы постоянно нас долбили со всех сторон. Но судьбе было угодно, чтобы я уцелел в майские дни 1945 года.

И еще одна важная деталь – надо было иметь смелость в «сомнительных ситуациях» послать подальше всех начальников, взять на себя ответственность и действовать согласно своему чутью и интуиции. Приведу пример. На подступах к Берлину получаю приказ от замком-

бата по фамилии Грунин: «Маслов, давай! Вперед! Жми!» Передо мной болото, есть какие-то проходы, но чувствую, что все впереди заминировано. За болотом шоссе. Вроде тихо, немцев не видно. Но беспокойно на душе. Всем нутром чувствую, что здесь нас сейчас всех пожгут. Я передал по радиации в батальон, что этот приказ выполнять отказываюсь и вперед, напролом, не пойду. Развернул роту, прошел несколько сотен метров левее и без потерь вклинился во фланг к немцам. Подбил в борт две «пантеры». На шоссе держали оборону молоденькие немцы, курсанты первого курса военного училища, отряд истребителей танков, «фаустники». Они мою роту с левого фланга не ждали. Всех их подавили и поубивали. А если бы я сунулся в лоб? Что бы от моей роты осталось? Танковый командир обязан быть способным на свободный маневр, на импровизации при выполнении боевой задачи, не обращая внимания на окрики штабных начальников.

Второго мая, когда в Берлине затихли уличные бои, меня переполняло чувство радости и гордости, что я дожил до этих дней, что, может, я один из всего 24-го ТП выжил на войне и дошел до немецкого логова. А позже я задал себе вопрос: почему я, танкист, уцелел в этой «мясорубке», почему меня судьба сохранила? Долго анализировал все, что со мной произошло за эти годы, и пришел к выводу, что выжить мне позволили следующие факторы. Сейчас я их перечислю. Прозвучит это сухо, как текст с передовицы газеты «Красная Звезда», но так все на самом деле и обстоит. До войны я занимался исключительно боевой подготовкой, настойчиво учился только тому, что пригодится на войне. Получил хорошую огневую подготовку, умел быстро стрелять на поражение, хорошо читал карту и мог молниеносно рассчитать данные для стрельбы, был ответственным и требовательным по отношению к себе и к подчиненным. Да плюс к тому – везение. Только благодаря этому и выжил.

Стеклярь Борис Ефимович (*Интервью С. Смолякова*)

командир взвода управления 211-го артиллерийского полка 23-й стрелковой дивизии

Наши провели мощную артподготовку. Немцы стрельбу вообще не прекращали: «шапочно» били по площадям и вели заградительный огонь. Мы переправлялись на двух больших лодках. Сначала было прямое попадание в первую. Потом накрыло нас. Перевернулись...

Хе-хе. Первое дело – скинуть сапоги и все тяжелое, что тянет тебя на дно. А куда плыть? Река шириной в 250 метров, а то и более. Назад плыть поздно, берег противника ближе. Вылезли на берег, посчитались. Неутешительно! У меня пистолет, у хлопцев две финки. Что делать? Увидели разбитый дот, решили рискнуть... Повезло. В доте нашли трех тяжелораненых немцев и ящик гранат. Первым делом порезали одеяла немцев на куски, обмотали ноги. А то ведь уже начали коченеть... Еще холодно было, апрель месяц. Немцев прикончили, вооружились, двигаться решили вбок по траншее. Первый попавшийся блиндаж закидали гранатами. Та же участь постигла два следующих дота. Что нам помогло? Немцы беспрерывно вели артиллерийский и минометный огонь. Таким образом, мы дошли до немецкого КП с рацией и телефонами. Наша рация пошла на дно вместе с лодкой. Спрашиваю радиста: «Как ты, разберешься?» – «Командир, нет вопросов. Сейчас все организуем». – «Давай-давай, включай эту шарманку!» Тот включает. Выхожу на связь, начинаю говорить...

Сначала не поверили. Они же видели, как нас накрыло. Я уже им открытым текстом: «Такой-то, такой-то. Нахожусь на КП противника». А они мне: «Стеклярь, ты продан... шкура...» Боже мой. Дал им координаты, попросил огня. Ладно, вроде поверили. Хе-хе, нормально мы там посидели. Дошло до того, что вызывали огонь на себя. Ну, ничего, на Красное Знамя заработал...

А после Одера уже пошли на Берлин. Объявили нам, что дадут Знамя Победы. Но оказалось, таких Знамен давали много и многим. Мы не стали исключением. Скажу, что напряженных боев уже не было, мы хорошо устроились в городке Эберсвальдэ (нем. Eberswalde). Меня хотели назначить заместителем коменданта города. Но это же очень дурная работа. Зачем она мне нужна? И хлопцы меня не отпускали.

Всем дали новое обмундирование. Создали специальные отряды для дежурства по городу. Потом было объявлено, что немцы должны сдать все оружие. И что вы думаете, сдали все подчистую: и охотничье, и какие-то древние клинки, шпаги. Чего только не было.

Как я уже говорил, расположились мы очень хорошо. Чтоб личный состав не скучал, началась учеба. Меня вызвали к начальству, предложили возглавить дивизионную разведку. Потом еще предложение – поехать в высшую школу артиллерии в Ленинград. А солдаты мои опять начали уговаривать: «Товарищ командир, не надо. Зачем вам это? Оставайтесь!» Я отказался, сказал, что останусь со взводом. И тут мне говорят: «Боря, тебя вызывают в СМЕРШ».

Как я понял, СМЕРШ меня приметил еще в 42-м, когда я стал командиром взвода полковой разведки. Мне тогда довелось выполнять задания особого отдела – переводить людей через линию фронта. Всякий был народ: мужчины, женщины и даже подростки. Приходилось носить их рации – им не хватало сил. И все эти моменты, видимо, передавались с моим личным делом. Первую группу мы удачно протолкнули в районе Ржева. Как сейчас помню, вели двух женщин и четырех мужиков. Одеты они были по-зимнему, в гражданскую одежду. Оружия я не заметил. У всех какие-то сумки, котомки. А один вообще нес фанерный чемоданчик. Мы тогда прошли чисто, никто нас не засек. Довели их до села, а дальше они уже сами...

Еще запомнилась группа из трех человек, которую вели под Сталинградом. Мы зашли в дом к калмыкам, эти трое начали переодеваться. Оказалось, что двое из них – мужчины, а одна – девушка.

По последней группе нас инструктировал оперативный работник в чине капитана. Помоему, мне тогда сказали, что это пришла Пинская флотилия. В группе было двое партизан. Ничего примечательного. Оба с оружием, с котомками. Главная наша задача была, чтоб наши их не тронули. Хе-хе...

Переводить группы переводили, а вот встречать ни разу не довелось.

Начальник особого отдела нашей дивизии, с которым у меня сложились неплохие отношения, был очень симпатичным и приятным в общении человеком. Я шел в особый отдел и гадал, зачем же понадобился им на этот раз. Хотя вызовы в СМЕРШ уже не пробуждали во мне того первоначального трепета, но холодок по спине все-таки пробежал... Я опять не угадал. Подполковник огорошил меня предложением: «Слушай, Боря. У нас есть разрядка в школу СМЕРШа. Поедешь?» Неожиданно для самого себя я вдруг произнес: «С удовольствием!»

Пшенко Владимир Арсентьевич *(Интервью А. Драбкина)*

летчик 16-го Гвардейского дальнебомбардировочного авиационного полка

В лунную ночь очень много зависит от стрелка, поскольку истребитель будет идти ниже и стараться увидеть меня на фоне неба. У меня стрелком был опытный Леша Гудков. Один

раз, 20 декабря 1944 года я его оставил дома, а вместо него взял старшего техника-лейтенанта Толю Прача. Он все просился: «Командир возьми меня войну посмотреть, а то домой приду, и что я скажу?» – «Будет близко цель от линии фронта, я тебя возьму вместо стрелка, ты же умеешь стрелять». Техник – он все умеет. Перед вылетом, наверное, для смелости, в столовой он выпил грамм 100. Я это почувствовал, говорю: «Ты, наверное, употребил?» – «Нет-нет, командир». Вылетели подсвечивать цель Мемель (Клайпеда). Первый экипаж сбросил светящиеся бомбы, я сбрасывал вторым. Через три минуты мне надо зайти и сбросить еще раз, чтобы цель освещалась непрерывно. Зашел, САБы сбросил. Зенитные снаряды рвутся недалеко от самолета, а этот пулемет вниз опустил и начал стрелять. Кричит: «Бей гадов!!» – и стреляет. Я говорю: «Прекрати». Сманеврировал, отошел от цели, но, видимо, истребитель нас засек по выстрелам пулемета и уже не выпускал из виду. При подходе к линии фронта я перестал маневрировать. Взялся переключать баки (мы основные баки, которые ближе к мотору, использовали только над целью, чтобы уменьшить вероятность остановки двигателя в результате повреждения бензопровода осколками или при разрыве струи при резком маневрировании), в этот момент между моими ногами и спиной штурмана начали рваться снаряды, выпущенные истребителем. Зарево! Все как будто взлетело вверх. Я оказался в огне! Штурвал туда-сюда – самолет не слушается, перебито управление. В переговорное устройство кричу: «Алло, алло!» Никто меня не слышит. Посмотрел на штурмана Кречетова Ивана Николаевича, но за стеной огня его не увидел, стал кричать. И тут появилось какое-то чувство, какая-то сила над головой и говорит: «Прыгай немедленно! Не забудь кольцо!» Я за кольцо вцепился – и за борт, но за что-то зацепился брезентовой лямкой унтов. Дергал-дергал – сорвал унт. Меня струей подхватило, набок перевернулся, дернул за кольцо, в этот момент я вскользь ударился тазом о хвостовое оперение. До этого, на земле, тренировались, растянув под крылом брезент: «Как ты будешь прыгать? Показывай» Надо было изготовиться, выбраться из кабины, скатиться по плоскости, отсчитать 21, 22, 23 и дернуть за кольцо. Инструктор тогда сказал: «Когда жарко будет – выпрыгнешь, никуда не денешься!» Это точно! Это я на себе испытал!

Парашют открылся. Горящий самолет пошел вниз. Думаю: «Все погибли». Однако штурман сидел с 3,5 тысячи до 1500 метров, а потом все же рискнул выпрыгнуть и спасся. А радист и стрелок, видимо, были ранены и погибли вместе с самолетом.

Приземлился я в густой еловый лес. На левой ноге один меховой носок «унтенок», на правой ноге – унт. Достал индивидуальный пакет, бинтом перемотал ногу. Вытащил пистолет. Шлемофон снял. Стянул парашют. Сел и заплакал. Минут 15–20 сидел, пока не почувствовал – прохладненько. Ну, думаю, надо выбираться. Ножом вырезал у шлемофона уши, надел. Пистолет в правую руку, компас в левую и пошел на восток. Сначала слышал стрельбу впереди. Где ползком, где пригнувшись, так и шел не знаю сколько, только смотрю, а осветительные ракеты уже по сторонам взлетают. Думаю: «Где-то здесь наши». Обрадовался. И рискнул на рассвете постучаться в крайний дом какого-то населенного пункта. Открывается шторка. Выглядывает мужчина. Я к нему с пистолетом: «Скажи, тут немцы или русские?» Он со страха окно закрыл. Потом выглянула хозяйка: «Тут немцы были. Дней 20 тому назад их прогнали». – «Если вы меня обманули, то ваш дом сожгу!» – «Нет! Нет!» – крестится. Тогда смело пошел в этот населенный пункт. Прошел по нему – никого. На обратном пути стал стучаться в дома. Слышу окрик: «Стой, кто идет?» Меня фонариком осветили: «Разряди пистолет». Вызвали начальника караула, привели меня в дом. Зажгли коптилку. Расспросили, как, чего, проверили документы, обняли, отдали пистолет, пригласили медсестру, которая мне ногу забинтовала. Нашли мне обгорелые валенки, переодели в ватные брюки и фуфайку. Пошли на завтрак, где мне налили большую кружку разведенного спирта. Выпил, поел. Уложили меня в лазарет. Я пролежал весь день, но до вечера никак не мог уснуть, хотя мне и дали какие-то таблетки.

Оказывается, я попал к заградотрядовцам, которые дезертиров и блуждающих немцев отлавливали. Они мне сказали, что обязаны, согласно приказу Сталина, летный состав достав-

лгать немедленно на аэродромы. До ближайшего аэродрома штурмовиков надо было ехать 18 километров. Дали мне сани с лошастью и охрану из двух автоматчиков – по лесам очень много бродило дезертиров с оружием. Привезли на аэродром прямо к руководителю полетов. Я своих спасителей расцеловал, поблагодарил, и они сразу поехали обратно, чтобы домой засветло попасть. Подождал, когда вернутся с задания Ил-2. Спрашиваю командира полка: «Сколько они будут в воздухе находиться?» – «Полтора часа». Чудно. У нас-то вылет длится по 6–9 часов, а тут всего полтора, а то и того меньше. Вместе с вернувшимися с задания штурмовиками пошел в столовую. А там мой штурман! Побыли на этом аэродроме пять дней. Полк должен был перевооружаться на Ил-10. Летный состав на самолете улетел в Смоленск, и мы вместе с ними. Оттуда уже самостоятельно добирались на поезде до Барановичей, в которых базировался наш полк. В общем, в часть мы вернулись через двенадцать дней. За это время НИКТО не сообщил в полк, что мы живы. Обычно ждут десять дней. Мы со штурманом появились в полку на рассвете. На нас набросились, на руках понесли в столовую, целовали, обнимали. Потом командир полка велел идти отдыхать, а постель моя уже свернута. Поставили мне кровать и новую постель сделали. Они и матери сообщили, что я погиб. Но как видишь, все обошлось, правда, за то, что техника взял, мне влетело. Рассказывали, что через пару дней командир эскадрильи увидел моего стрелка: «Ты что здесь делаешь?» – «Я не полетел». – «Кто полетел?» – «Техник». Это стало известно командиру дивизии. Потом, когда мы вернулись, командир дивизии нас вызвал на беседу: «Победителей не судят. Но больше этого не делай. Техника не бери». Пожурил меня, но представление к Ордену Красной Звезды зажал.

Летать я не мог, поскольку слегка обгорел и болела поясница. Да и внутреннее состояние было не ахти. Нас отправили в Солнечногорск, в дом отдыха санаторного типа с углубленным осмотром и лечением. Пробыл я там 24 дня, подлечился, успокоился и вернулся в полк. Сначала слетал с командиром эскадрильи, потом самостоятельно днем. Потом сделал контрольные полеты ночью, провели меня в прожекторах. Как это происходило?

Прожектор стоит вертикально. Я подхожу, помигал огнями, вошел в прожектор, и они тебя ведут, а ты, во-первых, должен поначалу привыкнуть, ну а потом постараться вырваться. Главное, чтобы тебя не ослепили. В кабине так светло, что пылинки считать можно. Ни в коем случае нельзя смотреть на прожектор – ослепит, не увидишь приборы и разобьешься. Поэтому даешь полный накал приборам, взгляд только на них – ни направо, ни налево, и начинаешь по приборам маневрировать. Обычно делали резкий разворот с потерей высоты и выход из прожектора спиралью. Я попробовал днем сделать такой маневр, который я делал ночью по приборам. Когда я увидел по горизонту то, что я обычно делал по приборам, мне стало страшно. Сразу штурвал отдал и не стал делать. Думаю: «Свалюсь!» Но так выразить можно только тогда, когда уже сбросил бомбы. Пока ты на боевом, быют – не быют – держи боевой курс, пока не сбросил бомбы. Как сбросил бомбы, так сразу самолет бросаешь. Над Будапештом меня взяли примерно 15 или 18 прожекторов. Вышел оттуда с пробоинами от зенитных снарядов. Я все удивлялся, как они могут так резко менять высоту взрыва снаряда? Я же со скоростью снижаюсь, а снаряды как со ШКАСа идут и все время рвутся на моей высоте... Моего друга, Ивана Седых, там так побили, что едва прилетел. Разворочена плоскость была..

Дали новый самолет. И я еще сделал 28 вылетов. Первые вылеты пять мандражил. Было страшновато. Кажется, самолет не так идет. Вроде заходят меня сбивать. Я уже кричу: «Радист, смотри! Стрелок, смотри! Второй раз уже живой не останешься, еслишибанут!» Потом привык, все прошло, как будто ничего не бывало.

Кстати, после этого случая, когда техники просились взять их, у нас говорили: «Иди к Володе Пшенко, он хорошо возит...»

Борисов Михаил Владимирович
(Интервью А. Драбкина, А. Пекарша)

летчик 51-го минно-торпедного полка

4 мая 1945 года встал вопрос вылета на линкор «Шлезия». Вылетало две группы. Первую группу повел старший лейтенант Фоменко. А вторую группу повел я. Пять топмачтовиков с полутонными бомбами и я с торпедой. Макарихина, Орленко отправил для наведения. Погода была паршивая. Мы взлетели, прошли немного. Макарихин отошел от меня на полтора километра, и я его потерял из виду. Тогда даю сигнал наводчику, что его не вижу. Он мне объясняет, где он. Но я же с группой не могу искать. Я действую самостоятельно без наводчика. В штабе этот разговор тоже слышат. Мы атаковали. Видимость, конечно, была паршивая. Линкор пытался уйти от удара, сесть на мелководе. Фоменко бросает, у него торпеда зарылась в песок, стала бурлить. Моя торпеда пошла, и истребители, которые сопровождали нас, кричат: «Торпеда пошла». Потом взрыв. Фактически получив пробоину, линкор сел на мель, так там и остался стоять. На следующий день создают комиссию с целью определения, что же попало в линкор. Заключение комиссии, что обнаружил там-то такой площади отверстие, предположительно в результате взрыва торпеды или тысячекилограммовой бомбы. А тысячекилограммовых бомб никто туда не возил. Стало быть, взорвалась только моя торпеда!

Кацевман Петр Маркович (*Интервью Г. Койфмана*)

летчик 141-го гвардейского штурмового авиационного полка

Первый раз сбили в Силезии в январе 1945 года. Штурмовали в районе памятника Кутузову, помню, там стояла стела со скульптурным орлом наверху. Зенитка достала «Ил» на выходе из пикирования на высоте 300 метров, перебило петрофлекс, масло моментально вытекло, и мотор заклинило. До аэродрома мы дотянуть не могли, пришлось садиться «на живот», в грязь, хорошо хоть, земля мягкая была. Комкор Рязанов прислал за нами свой «Виллис». А потом механик поехал разбирать остатки самолета на запчасти, а там, в бомболюке, неразорвавшаяся бомба. Так что повезло нам неимоверно.

Или вот, например, эпизод, произошедший 20 апреля 1945 года. Полетели шестеркой на штурмовку немцев, прорывающих кольцо окружения под Бреслау. Над целью образовали круг и стали атаковать. При первом заходе уничтожили 4 танка и много пехоты. И при выходе из пикирования мне вражеский снаряд попал в левую плоскость, в которой образовалась большая дыра. Благо, что наш аэродром находился рядом, так я спланировал, как в песне – «на честном слове и на одном крыле». А во второй половине дня поднялся в воздух уже на «чужом» штурмовике. Летим на Берлин, ориентируясь по автостраде. Под нами город Штемберг, сказали, что в нем уже находятся наши войска. Шли на бреющем полете. А в городе – немцы. Врезали по нам из зенитных орудий. В кок винта попал снаряд, и машина пошла вниз. Смог посадить «на живот», но при посадке ударился головой об приборную панель и потерял сознание. От удара о землю на штурмовике сработали пушки и пулеметы. Писаренко выскочил с пистолетом из самолета, смотрит по сторонам, где упали, кто ближе – немцы или наши. На наше счастье, рядом находились танкисты-ремонтники. И когда они меня начали вытаскивать из кабины, я пришел в сознание.

Все же самым памятным был вылет двадцать шестого января сорок пятого года. Плохие погодные условия были чрезвычайно неблагоприятными для нас и фактически полностью исключали возможность применения авиации. Но тогда мы получили приказ произвести штурмовку. Пошли всей эскадрильей: Андрианов, Петров, Блинов, другие экипажи. Этот вылет я запомнил до мельчайших подробностей, так как во время взлета у моего самолета лопнуло левое колесо шасси и штурмовик отклонился от направления движения, и только чудо спасло его от столкновения со стоящими самолетами, и взрыва не произошло. После выполнения задания посадку я производил на одно колесо, и что мне пришлось пережить в эти мгновения – не могу забыть до сих пор. А задание было следующим: произвести бомбардировку войск противника, разгружающихся на ж/д станции. По данным воздушной разведки, на станции скопилось множество железнодорожных составов. Но нам, летчикам, никто не сказал, что на этой железнодорожной станции стояли эшелоны с узниками из лагеря Освенцим. Да и кто из штаба полка мог это тогда знать... Погода в тот день была мерзопакостная, видимость 200–300 метров, весь полет проходил «вслепую», только по приборам, и когда мы пробили облака на высоте свыше 2200 метров, то увидели станцию со стоящими на путях эшелонами, и вдали – многие ряды складских помещений – пакгаузов. Мы даже не предполагали, что это лагерные бараки для заключенных Освенцима. Бомбардировка штурмовой авиацией с такой большой высоты малоэффективна, и командование об этом, конечно, знало. Обычно бомбометание проводилось с пикирования, с высоты 600 метров и ниже, приборов-прицелов у нас не было, и только нос самолета и перекрестье на лобовом бронестекле заменяли прицел. Но нам было приказано произвести бомбометание с большой высоты, то есть только посеять панику. Мы выполнили это задание. А на следующий день нашей пехотой был освобожден концлагерь Освенцим, и уцелевшие узники рассказали, что немецкая охрана и прочий фашистский персонал, увидев над лагерем советские «Илы», в панике сели на машины и сбежали, так и не успев уничтожить последних узников лагеря и замести следы своих преступлений. И если это действительно так и было, то для меня этот вылет является самым важным в жизни. Если, даже

косвенно, благодаря нашей штурмовке спаслись узники концлагеря, то я могу гордиться этим вылетом до самого своего последнего часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.